УДК 130.2:282+325.4(44-52:65):94(65)
DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.163

Специфика взаимодействия мусульманского общества со светским государством(на примере французского колониального режима в Алжире)

С.И. Сулимов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

В данной работе рассматривается взаимодействие светского новоевропейского государства с мусульманским обществом на примере французского колониального режима в Алжире (1830–1962 гг.). Французы выявили специфику туземного социума и адаптировали свои правовые принципы к местной социальной эмпирии. Но стоило французам во время Второй мировой войны предоставить мусульманам гражданские права, как мусульманская община начала борьбу за доминирование в Алжире, что в конечном итоге привело к исходу французов из страны.

Ключевые слова: *ислам, асабийя, колониализм, персональное право, Туземный кодекс.*

Введение

Актуальность исследования тесно связана с политическим и культурным конфликтом, происходящим в наши дни между западноевропейской моделью светского внеконфессионального государства и исламским принципом шариата, настаивающем на единстве религии, политики и социальной жизни. Сегодня данная проблема крайне ангажирована риторикой различных лобби и искусственно затуманивается употреблением таких излишних в данном случае терминов, как «мигранты», «азиаты» и т. д. Между тем взаимодействие светского западноевропейского государства с мусульманским обществом началось не в наши дни, а в XIX в., и культурный диалог вёлся в самых различных тональностях, а не только в подчёркнуто толерантном стиле, характерном для современности. Речь идёт о Франции, в 1830-е гг. превратившей Алжир в свою колонию и строившей отношения с его исповедующим суннитский ислам населением буквально с нуля. При этом во Франции с 1789 г. Церковь отделена от государства, и государство с тех пор не имеет конфессионального характера, а с 1905 г. республика официально объявлена светской, то есть не поддерживающей и не запрещающей никакие религиозные верования и культы. Следовательно, взаимодействие французского государственного механизма с мусульманским обществом является наглядным примером тех проблем, которые неизбежно придётся решать любому правительству, вступающему в диалог с мусульманскими общинами. Если учесть, что современная Россия является реципиентом для миллионов

© Сулимов С.И., 2026

среднеазиатских мусульман, то изучение французского опыта не будет лишним.

Целью работы является выявление специфики взаимодействия светского государства новоевропейского типа (в нашем примере – Франции) с обществом, исповедующим ислам суннитского толка (в данной работе – алжирские берберы и арабы). Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- раскрыть особенности взаимодействия светского государства с мусульманами в момент французской колонизации Алжира (XIX в.), то есть до появления современной риторики толерантности;

- обнаружить социально-духовные и политические механизмы, изменившие баланс сил и приведшие к деколонизации Алжира и изгнании из него колонистов-христиан;

- установить роль внешнеполитических факторов, приведших к деколонизации, но не связанных со спецификой доктрин светского государства и шариата.

Методологической основой работыслужат труды отечественных и зарубежных авторов. Такие отечественные исследователи, как П.П. Черкасов, Ю.С. Оганисьян, В.И. Комар и Р.Г. Ланда, подробно изучали экономические и политические особенности французской колонизации Алжира и последовавшей в середине XX в. деколонизации, но, будучи советскими историками, они акцентировали внимание в первую очередь на классовой борьбе и развитии в Алжире социалистических идей, упуская из виду религиозный фактор. Приблизительно в том же ключе изучал формирование алжирского национального самосознания современник Алжира-колонии французский историк-социалист М. Эгрето. Зато современный американский исследователь Ю. Роган описал происходившие в Алжире XIX–XX вв. события в контексте общей истории арабского Востока.

Теоретической базой исследования являются работы таких советских и современных авторов, как П.П. Черкасов, В.И. Комар, Ю.С. Оганисьян, Б.В. Долгов и Р.Г. Ланда. Чтобы составить представление о сторонах начавшегося в 1830-е гг. культурного диалога, мы обратились к работам Р.Г. Ланды, Ю.С. Оганисьяна и западного исследователя Э. Хобсбаума, удачно охарактеризовавшим французское понимание нации и гражданства. При рассмотрении порядка отношений в колониальном Алжире и трансформации положения туземного населения мы опираемся на исследования М. Эгрето, В.И. Комара и П.П. Черкасова, а при рассмотрении факторов, приведших к утрате французами власти над Алжиром, опираемся на историко-культурологическое исследование Ю. Рогана.

Практическая значимость данной работы обусловлена тем, что Россия в данный момент тесно сотрудничает с мусульманами Средней Азии и Закавказья. Также в стране существуют собственные исламские

общины на Северном Кавказе и в Поволжье. При этом современная Россия является светским государством, и поэтому французский опыт взаимодействия с мусульманами может оказаться для отечественного правительства полезным.

Французы и алжирские мусульмане в канун колонизации Алжира: мировоззренческие портреты

В момент французского вторжения в Алжир и колонизации европейцами этой страны лицом к лицу столкнулись два не похожих друг на друга общества, которые вряд ли могли бы понять друг друга в случае соседства. Они были носителями принципиально различных религиозных идей и политических доктрин, и поэтому их социально-политические порядки также серьёзно различались.

Французы благодаря правовым новшествам революции 1789 г. и реформам Наполеона I стали первым народом Европы, провозгласившим принцип гражданской нации. Западный исследователь Э. Хосбаум описывает эту идею так: «Французская национальность означала французское гражданство: этнос, история, употреблявшиеся в повседневном обиходе язык или местное наречие на определение «нации» совершенно не влияли» [6; с. 140]. Для французского правительства в первой половине XIX в. являлся французом каждый гражданин Франции, то есть любой человек, который в деловой жизни пользовался французским языком и выполнял предписанные законом гражданские обязанности (платил налоги и служил в армии). Для получения французского гражданства не играло никакой роли, является ли претендент этническим провансальцем или бретонцем, родился он во Франции или иммигрировал из другой страны, исповедует ли католицизм, иудаизм или придерживается атеистических воззрений. От него лишь требовалось подтвердить присягой своё согласие подчиняться французским законам, что автоматически гарантировало новоиспеченному гражданину защиту со стороны этих законов. Хотя большинство французов оставались католиками, принадлежность к этой конфессии в XIX в. вовсе не была обязательной и никаких дополнительных прав и обязанностей гражданам не давала. По этой же причине во Франции никак не культивировалась и не поощрялась неприязнь по отношению к иноверцам.

Интерес французского правительства к Северной Африке был исключительно экономическим. Проблема заключалась в том, что алжирское правительство ссудило Наполеона зерном, а после отречения императора продолжало требовать от Франции уплаты долга. Поэтому, когда в 1827 г. между французским послом и алжирским деем (правителем) произошёл пустячный инцидент, король Карл X использовал эту мелочь как повод для вторжения в Алжир, состоявшегося в 1830 г. Возможно, монарх рассчитывал таким образом повысить свой авторитет, но просчитался: в том же году во Франции случилась революция, и ему пришлось сложить корону [5; с. 158–159]. Занявший престол король Луи-Филипп

после некоторых колебаний объявил Алжир в 1834 г. французским генерал-губернаторством, признав владение этой страной экономически выгодным для Франции и стимулировав переезд в эти земли всех желающих из метрополии. Как отмечает отечественный исследователь П.П. Черкасов, обладание Алжиром превращало Францию в ведущую державу Западного Средиземноморья и расширяло её возможности в Чёрной Африке, не говоря уже о том, что парижские и марсельские инвесторы представляли новое генерал-губернаторство как непаханое поле для своей финансовой активности [8; с. 27].

До французского вторжения в Алжире существовали два разных по своим жизненным укладам общества, ни одно из которых не было похожим на французское. Формально Алжир считался вассальным владением османского султана, и в приморских городах действительно находились небольшие гарнизоны янычар. Жители побережья не без успеха занимались морским разбоем и вели бойкую торговлю рабами. Но турецкая администрация, насчитывавшая лишь несколько десятков тысяч человек на всю страну, и дружные с ней горожане не составляли большей части туземцев, хотя для европейцев были алжирцами именно они. Ведь большую часть населения страны составляли кочевые племена берберов, слегка разбавленные земледельцами-феллахами. В культурном отношении эти общности заметно отличались от горожан. Так, турки придерживались ханафитской религиозно-правовой школы, а берберы – маликитской, которая выглядела более аскетичной и одухотворенной. Разница этих правовых принципов была столь радикальной, что маликиты и ханафиты Алжира входили в юрисдикцию различных судов и даже посещали разные мечети [3; с. 57–58]. За пределами городов реальная власть находилась в руках племенных вождей, и эта власть была гораздо более весомой, чем номинальный суверенитет османского султана.

Политическая жизнь берберов основывалась на двух столпах: племенном мировоззрении и хариджитском исламе. Советский исследователь Ю.С. Оганисьян характеризует мироощущение арабо-берберских кочевников XIX в. следующим образом, делая акцент на плохо переводимом понятии «асабийя»: «Для человека племени нет ничего более святосокровенного и жизнедейственного, чем асабийя. Это слово обозначает высшее духовное единство, связующее соплеменников узами взаимной ответственности, созданием кровнородственной общности, любовью к родному племени. В асабийе воплощено превосходство общеплеменных интересов и ценностей над личными устремлениями. Она образует духовную основу совместной практической деятельности соплеменников. Поэтому асабийя – туманное и отвлечённое понятие для непосвящённого – имеет вполне конкретный смысл и реальное значение для человека племени. Арабское племя – отнюдь не община равных. В нём есть богатые и бедные, слуги и господа, аристократы и чернь. И хотя племенная асабийя

сохраняет многие черты первобытного равенства, из которого она произошла, изнутри она уже проросла иерархией богатства, знатности, родовитости. Одинаково защищая каждого соплеменника от покушений внешнего мира, она – согласно этой иерархии – избирательно относится к нему в пределах племени. Каждый род и каждая семья обладают собственной асабийей, передающейся из поколения в поколение. И тот род или семья, которые силой и древностью асабийи превосходят другие роды и семьи, главенствует в племени» [4; с. 16–17]. Такой порядок позволяет выносить решение любых социально-экономических противоречий за пределы группы, находя виновных среди других племён или горожан. Вероятно, именно эта привычка сохранять внутренний мир, решая проблемы за чужой счёт, является одной из причин легендарной воинственности кочевых племён. Другой важной особенностью мировоззрения арабско-берберских племён был хариджитский ислам, практически по всем критериям совпадающий с суннитским, но с одним важным отличием: хариджиты не признают авторитет халифа и полагают, что вопросы вероучения могут решаться общиной верующих коллегиально или путём выбора духовного наставника из своей среды. Именно поэтому в Алжире со Средних веков были и остаются популярными религиозные братства (*тарикаты*), возглавляемые марабутами, то есть «святыми людьми», носителями божественной благодати. В отличие от христианских монастырей, тарикаты включают в свой состав и мирян, поэтому некоторые братства численностью не уступают племенам и не стесняются отстаивать свои политические претензии с помощью насилия [4; с. 17]. Именно тарикаты, хоть и не всегда ладя между собой, поддерживали духовное единство алжирских племён: бедуины из племени бану ангад не считали соотечественниками бедуинов из племени бану укхайдир, но эти группы по крайней мере видели друг в друге единоверцев. Поэтому ведомые своими вождями племена могли соперничать друг с другом, но под руководством марабутов они были готовы дать отпор присылаемым из городов ханифитским судьям и чиновникам, не говоря уже об иноверцах, если бы те каким-то образом появились в Алжире.

Итак, в момент французского завоевания Алжира в 1830 г. столкнулись два принципиально различных общества: основанная на светском гражданском законодательстве республика и племенной социум, признающий лишь кровнородственную и конфессиональную идентичность.

Французский порядок в Алжире: жизнь мусульман в светском государстве по светским правилам

Завоевание приморской части Алжира оказалось для французов лёгким делом: янычары и войска дея практически не оборонялись. Высадившись в 1830 г. в Сиди-Феррруше, европейцы практически сразу заняли Алжир, а годом позже – Оран. Сопротивление дея и его сторонников оказалось настолько слабым и неорганизованным, что практически сразу

начались переговоры о капитуляции. Зато в пустынях и горах колонизаторы встретили яростное сопротивление кочевых племён, вдохновляемых марабутами. Один из наиболее одиозных религиозно-политических лидеров антиколониального движения, эмир Абд аль-Кадир во главе тариката Кадирийя и союзных ему племён бедуинов вёл борьбу с французами с 1832 по 1847 г. Он сформулировал принцип, который в дальнейшем сыграл важную роль в отношениях между алжирцами и европейцами: «То, чего не достигнет любовь к родине, свершит религиозная страсть» [4; с. 50]. Эмир понимал, что племена вовсе не воспринимают друг друга представителями одного народа. Поэтому он сплотил своих бойцов на основе религиозного единства: объявил французам «священную войну» (джихад), а самого себя именовал «эмир аль-муминим», то есть «принц правоверных» [4; с. 37]. Однако благодаря тактическому и техническому превосходству французов сопротивление марабутов всё же было сломлено, и генерал-губернаторство превратилось из проекта в реальность.

Необходимо отметить, что в те дни французские военные и гражданские власти вовсе не пытались понравиться туземцам или относиться к ним толерантно. Так, в 1832 г. по приказу генерала Рене Ровиго алжирская мечеть Джемаа Хшауах была превращена в католическую церковь, невзирая на протесты местных мусульман [4; с. 45]. Это был символический жест – наглядная демонстрация власти, потому что французы вовсе не считали, будто в Алжире христиане ведут войну с мусульманами, как во времена крестовых походов. Однако религиозные чувства мусульман никто щадить не собирался. Точно так же французы, оценив коллективистский уклад жизни берберских племён, сделали асабийю своей союзницей: в 1881 г. колониальными властями был принят так называемый Туземный кодекс, возлагавший уголовную ответственность на всё племя за преступление, совершенное одним из его членов [9; с. 71–72]. Такая мера, немыслимая в Европе, возымела действие в Северной Африке. К 1847 г. в Алжир переселились более 100 тыс. европейцев (французов, корсиканцев, испанцев, итальянцев, мальтийцев, немцев и швейцарцев), и они занялись коммерцией и земледелием, ничуть не опасаясь нападений кочевников.

Однако предполагать, будто французы предприняли форсированную ассимиляцию алжирцев, было бы неверно. Более того, колониальное руководство охотно сотрудничало с мусульманскими духовными лицами. Так, французский историк М. Эгрето отмечает, что в Алжире чиновники осуществляют над имамами административную опеку, в ряде случаев даже поддерживая деятельность исламских учебных заведений [9; с. 121]. С одной стороны, берберы, будучи хариджитами, привыкли выбирать своих духовных руководителей, но, с другой стороны, назначение имамов европейцами всё-таки было лучше, чем запрет ислама. Также французы сознательно внедряли в Алжире персональное право, позволяя

мусульманам устраивать свои семейные отношения согласно нормам шариата и даже допуская для мусульман шариатское судопроизводство, в то время как европейские переселенцы жили по французским законам. Конечно, Туземный кодекс налагал на мусульман (именуемых туземцами) существенные административные ограничения, но любой мусульманин мог по собственному желанию «ассимилироваться», то есть перейти под юрисдикцию республиканских законов и тем самым обрести полные гражданские права. Другое дело, что жизнь туземцев-мусульман и без ассимиляции была вполне сносной, в частности, их даже принимали в Алжирский университет. Поэтому за всё время французского господства в Алжире лишь 2000 арабов и берберов пожелали пройти процедуру ассимиляции [5; с. 330]. Мусульмане продолжали жить по своим законам, но, тем не менее, включились в совместную с европейцами экономическую жизнь, освоили французские правила коммерции и даже западный стиль одежды, их дети получали образование в Алжирском университете и учреждённых французами колледжах [3; с. 207]. Они могли обижаться на те ограничения, которые налагал на них Туземный кодекс (например, запрет критиковать правительство), но в этих рамках мусульмане вполне могли жить, работать и богатеть.

Доступность европейского образования привела к возникновению на рубеже веков среди мусульманских интеллектуалов таких общественных движений, как «старые тюрбаны» (традиционалисты) и «мусульфранки» («молодые тюрбаны», младоалжирцы). Традиционалисты настаивали на предоставлении мусульманам гражданских прав наравне с французами-иноверцами. Приблизительно того же хотели и младоалжирцы, но полагали, что благосклонность метрополии следует заслужить. В частности, когда в 1912 г. был принят закон о призыве алжирских мусульман в армию, «молодые тюрбаны» сочли его проявлением доверия со стороны французского правительства. Администрация, со своей стороны, не препятствовала деятельности интеллектуалов, если только последние не озвучивали радикальных лозунгов. При этом от внимания французов ускользал тот факт, что все эти течения состоят исключительно из мусульман. Иногда это мусульманское антифранцузское единство выражалось очень наглядно. В частности, во время итало-турецкой войны 1911 г. младоалжирцы и «старые тюрбаны» устраивали совместные митинги протеста перед итальянским консульством и собирали средства для османских войск, сражавшихся против итальянцев в Ливии [3; с. 230].

В 1930-е гг. среди алжирцев был представлен весь спектр идейных течений – от исламистов до социалистов. Так, в 1931 г. в Алжире возникла культурно-просветительская организация Ассоциация улемов, много сделавшая для возрождения в стране коранического образования, а попутно проповедовавшая идеи салафизма, характерные для египетских «Братьев-мусульман». Основатель движения Абд аль-Хамид Бен

Бадис говорил: «Мой родной язык – арабский, моя религия – ислам, моя родина – Алжир» [2; с. 13–14]. При этом Бен Бадис требовал предоставления мусульманам правового равенства с французами, хотя сам же сознавался, что является арабоязычным мусульманином и никем другим становиться не собирается. Поскольку Алжир считался частью Франции, то фактически Ассоциация улемов предлагала замещение в одной из областей республики этнических французов «французами правовыми», которые при этом не имели бы в культурном плане ничего общего с жителями Парижа или Орлеана. Параллельно с Ассоциацией улемов действовали Алжирская коммунистическая партия, социалистическая «Федерация избранных», националистическая «Североафриканская звезда» и другие идейно-политические организации. Все они существовали легально, а в 1936 г. даже провели Мусульманский конгресс, на котором была принята хартия, содержащая требование для Алжира независимости или как минимум уравнивания в правах «туземцев» с французскими колонистами [9; с. 164]. Генерал-губернатор не препятствовал деятельности конгресса, удивляясь лишь оригинальному союзу между исламистами и коммунистами. Французский чиновник не заметил, что за всеми этими пёстрыми ярлыками скрывается мусульманское единство, основанное на ненависти к иноверцам, как веком ранее заповедал эмир Абд аль-Кадир.Неизвестно, как развивались бы события естественным чередом, потому что вскоре началась Вторая мировая война, и французскому правительству временно стало совсем не до алжирских политических течений.

Деколонизация Алжира: мусульмане и иноверцы в эпоху толерантности

Во время Второй мировой войны правительство в изгнании генерала де Голля пошло на ряд беспрецедентных мер по налаживанию сотрудничества с населением колоний. В частности, на конференции в Браззавиле (30 января – 8 февраля 1944 г.) было объявлено о превращении колоний в заморские территории Франции, что автоматически означало действие на них законодательства метрополии. С этой минуты Туземный кодекс Алжира потерял юридическую силу. Тогда же был опубликован ордонанс, предоставивший французское гражданство 60 тыс. арабам-мусульманам, хотя они не проходили процедуру ассимиляции и не отказывались жить по шариату. В ноябре 1944 г. французское гражданство было распространено и на 20 тыс. алжирцев, проживавших на территории метрополии, без каких-либо оговорок и требований к ним [7; с. 25]. Вскоре после окончания войны международное сообщество припомнило французскому правительству эти уступки. Например, в 1956 г. Франция предоставила независимость Тунису, в качестве оправдания своей слабости ссылаясь на то, что Тунис числился не колонией, а протекторатом, и в нём на протяжении всей колониальной эпохи имелся собственный бей [7; с. 156–157].

Однако все эти меры коснулись Алжира лишь косвенно. Предоставлять ему независимость в Париже изначально не собирались, потому что эта страна считалась заморской территорией Франции, а не её колонией, и даже делилась на департаменты так же, как и метрополия. Для правительства вопрос о независимости Алжира звучал так же нелепо, как, к примеру, вопрос о независимости Прованса. Но, предоставив мусульманам гражданские права, французы не учли, что ислам никогда не считал своих адептов равными иноверцам. С той минуты как алжирец и французский колонист стали юридически равны, мусульмане принялись добиваться доминирования на том основании, что они – правоверные. Такое требование в принципе не могло соответствовать французской юстиции, но для алжирских политических деятелей возможность обвинять «неверных» во всех смертных грехах стала замечательной возможностью сгладить социальные и экономические противоречия мусульманской общины. Для алжирских мусульман обретение независимости по умолчанию означало изгнание «неверных» из Алжира и грабёж их имущества.

В 1953 г. возник Революционный комитет единства и действия (РКЕД), на базе которого сформировался фронт из всех антифранцузских политических сил – коммунистов, националистов и исламистов. Эта организация получила название Фронт национального освобождения (ФНО), а её боевым крылом стала Армия национального освобождения (АНО). 1 ноября 1954 г. ФНО поднял антифранцузское восстание во всех департаментах Алжира [2; с. 15–17].

Не будем пересказывать общеизвестные подробности алжирской войны за независимость (1954–1962 гг.). Отметим лишь, что в ходе боевых действий инсургенты применяли террор против всех французов, не различая родившихся и выросших в Алжире колонистов и недавно прибывших служащих. К примеру, в августе 1955 г. боевики захватили селение Филипвиль и расправились со 123 жителями европеоидной внешности [5; с. 453]. Но французские войска и жандармерия с XIX в. не растеряли своего профессионализма, и к началу 1960-х гг. большинство подпольных ячеек ФНО в городах были уничтожены, а отряды АНО в горах и пустынях – разгромлены. Однако международная повестка заметно изменилась по сравнению с эпохой колониализма. США и СССР оказывали на Францию всестороннее давление, а в 1958 г. уцелевшие лидеры ФНО организовали в Каире «правительство в изгнании», которому удалось установить официальные связи с Китайской Народной Республикой так, словно независимый Алжир действительно существовал. Генерал де Голль, ставший президентом Франции, вынужденно в 1961 г. провёл референдум о предоставлении независимости Алжиру, и в 1962 г. эта независимость была провозглашена.

В том же году немусульманское население Алжира подверглось гонениям. Начался массовый исход бывших колонистов из страны, и только к концу 1962 г. Алжир покинули более 300 тыс. французов [5; с.

463]. Оказать им какую-либо правовую защиту Франция не могла в силу своих же законов: если все жители Франции с её заморскими территориями являются французами независимо от своей этнической и конфессиональной принадлежности, то, значит, и все жители Алжира являются алжирцами и находятся под юрисдикцией правительства этой страны. Со стороны же эта позиция Франции выглядела как жест слабости: вместо того чтобы воевать с мусульманами, которые и были врагами французского режима, Франция отдала в руки мусульман своих единоверцев и соплеменников. Но в светском французском законодательстве нет ни слова ни о каких единоверцах и соплеменниках, поэтому вчерашние колонисты оказались отданы на растерзание воинствующим мусульманам. В свою очередь, алжирское правительство в 1963 г. узаконило отъём земель у фермеров-колонистов и раздел этих угодий между алжирцами (то есть победившими мусульманами) [2; с. 28].

Симптоматично выглядит тот факт, что практически все алжирские политические партии, существовавшие до обретения страной независимости, после изгнания французов самораспустились. Причём сделано это было полюбовно. Например, в 1962 г. Алжирская коммунистическая партия распустилась, а её члены вошли в состав Фронта национального освобождения. Более того, коммунистическая газета «Альже репюбликен» стала официальным печатным органом ФНО, наряду с другой газетой, носившей красноречивое название «Эль-Муджахид». Правительство молодой республики объявило о своём социалистическом курсе и даже принялось за организацию «социалистических деревень», но по плану в каждой такой деревне обязательно должна была находиться мечеть. Точно так же в основу школьной программы были положены принципы «арабо-мусульманской этики» [2; с. 77]. Даже в наши дни согласно 2-й статье конституции в Алжире государственной религией является ислам [1; с. 141].

Заключение

Кратко рассмотрев французский колониальный режим в Алжире, какие особенности взаимодействия светского новоевропейского государства с мусульманским обществом мы могли бы выделить?

Во-первых, необходимо отметить, что в алжирском обществе, к моменту колонизации уже 1000 лет исповедовавшем ислам, сохранялись племенные отношения, а значит, ислам благоволит именно к такому типу общественной организации. Следовательно, мусульманское общество обязательно является по меньшей мере клановым, что плохо совмещается с принципом равенства граждан перед законом, без которого немыслимо светское государство.

Во-вторых, завоёвывая Алжир, французы быстро разобрались в устройстве местного социума и адаптировали свою правовую систему к этой специфике. Так появился Туземный кодекс, учитывающий алжирскую специфику и вполне эффективный в данной обстановке, хотя и не

применимый к метрополии. Вооружённое же сопротивление мусульман, как и их религиозный фанатизм, не стали серьёзным препятствием для французских войск и администрации.

В-третьих, проблемы у колониального режима начались именно тогда, когда на алжирских мусульман было распространено действие законов метрополии. Ведь мусульманин – это всегда часть конфессиональной (а иногда и племенной) общности, для которой в европейском праве даже нет названия. Подчинить мусульман и немусульман одним законам означало оставить каждого иноверца один на один со всей мусульманской общиной или родовым кланом. Более того, попытки обеспечить добровольную ассимиляцию алжирцев наглядно показали, что мусульмане не желают отказываться от шариата ради гражданских прав, а значит, их лояльность республике имеет ограниченный характер. Следовательно, наделение мусульман гражданскими правами вовсе не привело к равенству всех граждан перед законом, а было одной из ошибок, приведших к гибели режима.

И, наконец, в-четвёртых: необходимо отметить, что даже при всех своих просчётах французское правительство выиграло силовое противостояние с алжирскими инсургентами. Алжир получил независимость не благодаря террористическим и партизанским акциям моджахедов, а буквально из рук советских и американских дипломатов. То есть исламский фанатизм оказался неэффективен против военно-политического механизма светского государства.

Список литературы

1. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг. Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.

2. Комар В.И. Идейно-политическое развитие ФНО Алжира (1954–1984). М.: Наука, 1985. 152 с.

3. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М.: Наука, 1976. 306 с.

4. Оганисьян Ю.С. Абд-аль-Кадир. М.: Молодая гвардия, 1968. 176 с.

5. Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина нон фикшн, 2024. 769 с.

6. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.

7. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М.: Наука, 1985. 325 с.

8. Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М.: Наука, 1983. 183 с.

9. ЭгретоМ. Алжирская нация существует. М.: Изд-вовосточнойлитературы, 1958. 189 с.

Specifics of interaction of muslim society with secular state (on the example of the french colonial regime in Algeria)

S.I. Sulimov

Voronezh state university, Voronezh

This work examines the interaction of the secular New European state with Muslim society on the example of the French colonial regime in Algeria (1830-1962). The French revealed the specifics of the native society and adapted their legal principles to the local social empyria. But as soon as the French were granted civil rights during World War II, the Muslim community began a struggle for dominance in Algeria, which ultimately led to the exodus of the French from the country.

***Keywords**: Islam, Asabiyya, Colonialism, Personal Law, Native Code.*

Об авторах:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета, Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Author information:

SULIMOV Stanislav Igorevich – doctor of philosophy, associate-professor, associate-professor of the Department of History of Philosophy and Culture of Voronezh state university.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026.